

О ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ОДНОМ ИЗ АРЕАЛОВ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ВИЛЬНЮССКОГО РАЙОНА

Н. А. САВИЧ .

В статье приводятся сведения о национальном составе жителей бывшего Кальвяльского (с июля 1988 г. части Шумскасского) апилинковского совета Вильнюсского района Литовской ССР (см. карту-схему), о языках, здесь распространенных, а также о сферах их употребления.

Материалы для статьи собирались летом 1988 г. По определенной программе было опрошено по несколько жителей каждой деревни бывшей апилинки, сделаны многочисленные магнитофонные записи, собраны ономастические материалы.

Кальвяльский апилинковский совет Вильнюсского района Литовской ССР расположен в 28 км юго-восточнее Вильнюса. Его территория 59 км². Апилинковский совет включает в себя, кроме центра — пос. Кальвяляй (лит. Kalvėliai, польск. Kowalczyki, блр. Кавальчукі), 14 деревень. В поселке Кальвяляй имеется средняя школа, сельсовет, почта, медпункт, клуб, комбинат бытового обслуживания, 2 магазина, железнодорожный остановочный пункт „Кена“. Шоссе и железнодорожная линия дают хорошее сообщение со столицей республики. Деревни апилинковского совета расположены в равнинных живописных местах. Когда территория принадлежала Польше, здесь были помещичьи земли, которые сдавались в аренду окрестной шляхте (инф. М. Александрович). Теперь здесь создан колхоз. Деревни размещены компактно по отношению к центру и почти все находятся на расстоянии 1—5 км от него.

Состав населения апилинковского совета за последние 50 лет существенно менялся дважды: в 1942—1943 гг. были истреблены жители еврейской национальности, проживавшие в основном в пос. Кальвяляй; в 1946—1948 гг. свыше 100 польских семей репатрировались на воссоединенные земли Польши, после чего в Кальвяляй и окрестных селах начали жить переселенцы из других республик.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., на территории апилинковского совета проживает 4196 поляков, 386 русских, 249 литовцев и 67 представителей других национальностей. Все не поляки — приезжие.

Абсолютное большинство местных, не приезжих жителей, считают

себя поляками, что зафиксировано в их паспортах. Все опрошенные нами информаторы – свыше 80 человек – в той или иной степени знают польский язык и могут говорить на нем. Судя по их сообщениям, а также по рассказам М. Александровича, долгое время работающего председателем апилинковского совета¹, это же можно сказать об абсолютном большинстве традиционного населения деревень апилиники.

В то же время лиц, говорящих преимущественно на польском языке, относительно немного, они составляют не более 2% населения. Это исконные жители, окончившие полный курс польской школы (как довоенной, так и послевоенной), бывшие служащие (лесничие, секретари судов, железнодорожники), а также учителя. Среди выехавших в Польшу около трети также говорили только или преимущественно на польском. Следовательно, в первые послевоенные годы общее количество преимущественно польскоязычных лиц было несколько больше, чем в настоящее время.

Основным языком остальной части населения апилиники является „простой“. Сферы употребления польского и „простого“ распределены следующим образом.

По-польски говорят или стараются говорить в костеле (особенно с ксендзом), с незнакомыми людьми (особенно если они заговарят по-польски), с интеллигенцией. По свидетельству некоторых информаторов, немало жителей апилиники и с ксендзом – особенно на исповеди – говорят не по-польски, а „по-просту“. Напр., М. Лукошевич, 1898 г. рожд., дер. Жверинас, утверждает: //*nú ják on (исповедающийся. – Н. С.) nimóža mówić' pópólsku / kšóć rozúnies' jam i prósty jézyk*// – „Ну, если он не может говорить на польском – ксендз понимает (там) и «простой язык»“. Информатор Я. Урбанович, 1910 г. рожд., дер. Кяна (Кена), сообщает, что ксендз терпимо относится к „простому“ языку: если кто-нибудь из детей приходит на исповедь, он спрашивает: „Ты как разговариваешь? По-польски или по-русски?“ – тем самым трактуя „простой“ язык как разновидность русского.

Можно заключить поэтому, что часть польского населения апилиники по-польски говорит очень слабо, знает его поверхностно. Более точно выяснить количество таких жителей довольно трудно, поскольку сами они не склонны афишировать плохое знание польского языка, а скорее наоборот, будут преувеличивать степень владения им.

В довоенное время центрами, где люди в общественной жизни пользовались преимущественно польским языком, были те населенные пункты, где имелись польские школы, костелы, железнодорожные

¹ Пользуясь случаем, выражаем сердечную благодарность М. Александровичу за оказанное содействие в работе по сбору материала.

станции. Характеризуя географию распространения польского языка, инф. М. Танкелюн, 1923 г. рожд., пос. Кальвяляй, подчеркнула, что „и за Польшей”, и в настоящее время на польском говорили в тех населенных пунктах, где // *býto výšeĵ inteligenci* // – („где было больше интеллигенции”), в Кальвяляй и Шумскесе, а в остальных деревнях все сплошь говорили только на „простом”. Разбогатевшие или ставшие „интеллигентами” жители Кальвяляй „за Польшей” старались говорить только на польском языке. М. Танкелюн рассказывает об одном таком человеке по фамилии Лесняк: // *Lešňáci té rozmováli popróstu / ustrojňiĵ gďžes' naĵoleĵu pracovac' stáralš zróbic' inteligenta / i začýna rozmávac' poprósku / móža né'tak čýsto jakný téraz rozmávamy / móža góžeĵ / ále stáralš rozmávac' poprósku / tó býto to kolónas / a naĵóskach spášnúju bářarúska / pova – N. S. / bylá prósta //* – „Лесняки эти раз оваривали на «простом». Устроился он где-то на железную дорогу работать. Старался сделаться интеллигентом. И начинает разговаривать по-польски. Может, не так чисто, как мы теперь разговариваем, может, хуже. Но старался разговаривать на польском. Это было около нас, а по деревням – сплошь белорусский язык был «простой»”

Таким образом, информатор отмечает, что „за Польшей” на польском языке в Кальвяляй говорили чаще, чем на „простом”. Простые люди, не „интеллигенты” и тогда говорили на „простом”: // *poprósku rozmováli pšynudzaĵco / řkóle / řkošéle / aták přéndzy sobo ĵipabalarúska / ĵipapróstu //* – „На польском разговаривали по принуждению – в школе, в котеле, – а так, между собой – ни по-белорусски, ни «по-просту»”. И добавляет: // *tákot rozmávamy //* – „Так вот разговариваем”.

Жителей деревень апилинки, говорящих исключительно на польском языке, не знающих „простого”, мы не обнаружили. Как уже указывалось, жители, говорящие со всеми преимущественно на польском, – это исконные жители, не приезжие, которые окончили польскую школу и (или) были представителями привилегированных профессий, а также учителя, преподающие в польских классах школ в Кальвяляй, Пакияне, Куосине, и члены их семей. Нами выяснено, что большинство учащихся польских классов в вышеупомянутых школах – дети тех учителей, которые в семье разговаривают „по-просту” (особенно это касается дер. Пакияне, где почти все жители, кроме учителей, говорят на „простом”, несмотря на то, что там имеется польская школа). Меньшинство составляют дети „интеллигентов”. Приезжие жители апилинки своих детей посылают в русские классы названных школ. Показательны такие данные: в 1987 г. в первый польский класс школы пос. Кальвяляй поступило 5 учащихся, в 1988 г. – 10. Это количество увеличилось благодаря тому, что некоторые жители, в семьях которых говорят преимущественно на „простом” языке, стали посылать детей в польские классы. Так, Д. Стефанович, 1931 г. рожд., дер. Пакияне (в семье говорит на

„дростом“), замечает: // *póšli móje dzéci doškóly / naučycéika múvi pogólsku / a on nęrozumńęje / jákę toslóvo* // – „Пошли мои дети в школу. Учительница говорит на польском, а он не понимает, какое это слово“. Информатор С. Илькевич, 1929 г. рожд., дер. Стаунишкес, в семье говорящий также „по-просту“, признает, что детям трудно сначала привыкнуть к польскому языку в школе: // *paká jón pęrafónic: a* // – „Пока он (ученик. – Н. С.) «переломается» (т. е. привыкнет. – Н. С.)“.

Как уже было отмечено ранее, в 1946–1948 гг. многие жители апилинки уехали в Польшу. Выезжали жители всех деревень, но наибольшее количество из Кальвяляй, Кяны, Садунишкес, Шпокине (до 70%), Калабаршкес, Унтильчяй (100% местных), Жверинаса, Благовещизны, Околины². В то же время в Кальвяльскую апилинку приехало много жителей из БССР, других районов Литовской ССР, РСФСР, Украинской ССР. Подавляющее большинство приезжих составляют бывшие жители БССР, в основном из Гродненской области.

Среди местных жителей апилинки, выехавших в Польшу, значительную часть составляли люди, прямо или косвенно пострадавшие в период сталинщины. Как уже отмечалось, примерно треть выехавших говорила преимущественно на польском языке, остальные – на „дростом“

Как мы упоминали, большинство приезжих составляют жители Западной Белоруссии. Этих людей, исповедующих католичество, в апилинке называют „белорусáми“, хотя многие из приезжих стараются говорить на польском и посещают костел. Из бесед с „белорусáми“ можно заключить, что они считают себя поляками, не любят клички „белорусы“ и обижаются, если их так называют. Некоторые из них детей посылают в польские классы (пос. Кальвяляй).

Упомянутая ранее М. Танкелюк о „белорусáх“ говорит: // *terazńęjšę balarýsy / óni ták'ę pipóláki / niþabalarýsy / ále káždu pów'e / žę ón pólak* // – „Теперешние белорусы – они такие, ни поляки, ни белорусы, но каждый (из них. – Н. С.) скажет, что он поляк“

Все информаторы свои деревни называют на „дростом“ языке или, реже, используют польскую форму названия (см. таблицу). Официальную (литовскую) форму местные жители старшего поколения игнорируют. Самые старые из информаторов вообще не знают официального названия своей деревни. Ни один из местных жителей дер. Палубеляй не знал официального названия своей деревни (Palubėliai), а произносил только польскую (Poľubęczi) и белорусскую формы (Палубачкі). Последняя в речи фигурировала наиболее часто. Что касается людей среднего возраста и молодежи, то следует отметить, что большинство

² В 1939 г. деревни Благовещизна и Околица были названы Пакине (см. схему и таблицу).

из них не только знает официальные формы ойконимов, но и употребляет их в устной речи (молодежь Кальвяляй, Кяны и др.) и письменной (почтовые отправления, деловые бумаги).

Около 60% опрошенных считают, что они недостаточно хорошо знают русский. Однако по-русски говорят многие, поскольку все слушают радио (на польском и русском языках), смотрят передачи телевидения (на русском), многие читают книги (на польском и русском языках) и газеты. На торжествах поют на польском и русском: // *próstyach pòsèpek nìpà upàs* // – „А «простых» песен нет у нас”, – Р. Полинский, 1912 г. рожд., Калабаршикес. Ни один из опрошенных не владел литовским языком: // „Палітоўску – кáк-та цяжóлы язык. Ну, я нi зная. Вот рускі – на ходу панiмáяш, пóльскi – тэж на хаду, „прóсты”. А лiтоўскi – нам цезэло. Штó-нiбуць панiмáяш, але слабó. Нашы дзэцi, маé тожа ўсё ш, вучы́ліся па-лiтоўску. Ацi кап хоць адзiн умéў бы гаварыць – усé раунó нi умéюць. Так цяжóлы язык – па-лiтоўску разгаварываць. У нас тутэй, там недалéко, ў друтой дзярзунi ёсць двé лiтоўкi. Але так разгаварываюць „па-прóсту”, як i мý. Але нябi сáмыя лiтоўкi зь Лiтвы. Але сюдi зáмуш вышлi, як усé разгаварываюць – нябi так, але умéюць лiтоўскi. А дзэцi ўсé – нi адзiн па-лiтоўску нi панiмае. Усé на „прóсты” разгаварываюць. Нябi тутай у Кéне жыюць” (Стефания Ильквич, 1929, Стаунишкес)³.

Следует отметить, что около 90% опрошенных считают, что на данной территории всегда проживали поляки. Некоторые признавали, что слышали от родителей или других родственников, знакомых, что здесь когда-то жили литовцы. Приведем некоторые такие примеры. Мария Танкелюн, Кальвяляй: // *tó tšeba històryja brác’ / bárdzo dalóko brác’ històryjo / máma kédys’ opovádała / ščéjak óna býła panénko / to janás umárła u osemdzészont dvá láta / ajús umáršy pètnásész lat / óna kédys’ pamientála / že býli tútaj litvini / júš íla to ját pšéšéšty? / zmárła osemdzészont / dlatégo óna zmáršy / muvíla že býli litvini / chodzili na Lítva / bárdzo glúd býť / aš támta vojna / tam dálej chodzili na Lítva pa chlép / kédyz’ býła tutaj / a pótem ják oni? / zéšta tú Pólska / máma muvíla / iž býli litvini / a stali polacy ná tej zémi* // – „Это нужно историю брать. Очень надо, очень далеко брать в истории. Мама когда-то рассказывала, еще когда она была девушкой (а она уже умерла в 82 года и уже прошло с ее смерти 15 лет), она когда-то помнила, что были тут литовцы. Сколько это уже лет прошло? Умерла в 80, говорила, что были литовцы. Ходили в Литву. Сильный голод был, аж в ту войну. Там дальше ходили, в Литву за хлебом. Когда-то была здесь (Литва), а потом – как они? Пришла сюда Польша, мама говорила, что были литовцы, а стали поляки на этой земле”.

³ Данный образец „простого” языка дан нам с использованием правописания и пунктуации белорусского языка (с сохранением диалектных черт).

Ядвига Тонкевич: // *gáńej / ále to dŭžo lát / cósčŭ býto / ále já nĕpamińĕn. tam //* – „Раньше, но это очень много лет (тому назад – Н. С.) что-то было, но я не помню”

Станислава Микулевич, 1912 г. рожд., Стаунишкес: // *kališči byá havaryli Litvá tud; auńĕj / havaryli što Litvá byla / patóm paláki žýli//* – „Когда-то была, говорили, Литва тут давно. Говорили, что Литва была. Потом поляки жили”

Следует отметить, что ни один из информаторов не считал широкий употребляемый „простой” язык разновидностью польского языка. Скорее, наоборот, каждый стремился соотнести „простую мову” либо с белорусским языком (это наблюдалось чаще всего), либо затруднялся, с каким языком соотнести. Однако каждый в разговоре подчеркивал, что несмотря на слабое знание польского языка и в большинстве случаев жизни употребление „простого” языка, он по национальности остается поляком.

Часть опрошенных нами жителей апилинки считает „простой” язык разновидностью белорусского. Нами зафиксировано большое количество высказываний типа: // *próstaja móva ni rŭskája ni pólskaja //* – „Простой язык он не русский и не польский” (Мария Волчек, 1925 г. рожд., Жверинас). Е. Пачковская, 1910 г. рожд., Палубеняй: // *próstaja móva bálarŭskája //* – „Простой язык – белорусский” С. Илькевич, 1929 г. рожд., Стаунишкес: // *Такóй язык: i ni рŭскi, i ni польскi, i ni бяларŭскi, да бяларŭская пахо́жа, радзiу́шная ўжо́ с такiм //* – „Такой язык: и не русский, и не польский, и не белорусский, похож на белорусский, (жители деревни) уже с таким родились”

Другие информаторы не могут однозначно охарактеризовать „простой” язык. Р. Палинский, 1912 г. рожд., Келабарнишкес: // *ńi to báfarŭski / ńi to jáki / prósty táki jĕzyk //* – „Не то белорусский, не то какой, простой такой язык”. М. Березд, 1938 г. рожд., более категоричен: // *ńi báfarŭski / a prosty jesyk //* – „Не белорусский, а простой язык”.

Итак, в исследуемом ареале основным средством ежедневного общения людей является „простой” язык. Все опрошенные знают этот диалект. Тот факт, что все они считают его „простым”, повседневным, „затрапезным языком”, говорит о его непрестижности, которая всеми говорящими осознается. Это можно проиллюстрировать на таком примере. Если мы в ходе нашей экспедиции начинали обращаться к местным жителям на „простом” языке, то вызывали к себе насмешливое, пренебрежительное отношение с их стороны. С незнакомым человеком – научным работником большинство старается говорить на польском языке – на общие темы, о костеле, о жизни. Когда же речь заходит о сельхозработках, домашнем хозяйстве, обрядах (свадьба, проводы в армию и пр.), – неизбежно переходят на „простой” язык.

Нами записано значительное количество текстов на „простой мове”

Предварительный их анализ не оставляет никакого сомнения в том, что „простая мова” представляет собой диалект белорусского языка. Для этого диалекта характерны аканье—яканье, цеканье—дзеканье; его морфология, синтаксис и лексический состав типичны для северо-западных белорусских говоров. Утверждаю это с полной уверенностью как белорус, родившийся и выросший в Гродненской области БССР.

Различия между моим родным говором и „дростой мовой” обследованной территории очень незначительны, они касаются в основном лексического состава и морфологических форм. Что касается местной разновидности польского языка, то, судя по записанным нами материалам, это типичный северо-западный „кресовый” говор.

Описанию особенностей „простой мовы” и польского говора деревень бывш. Кальвяльской апилинки будет посвящена отдельная работа.

СХЕМА ОБСЛЕДОВАННЫХ ДЕРЕВЕНЬ КАЛЬВЯЛЬСКОГО
АПИЛИНКОВОГО СОВЕТА

Официальная форма (на лит. яз.)	„Простая” форма (на блр. яз.)	Польская форма
Kalabāriškės	Калабарышкі	Kałabaryszki
Kalvēļiai	Квальчукі	Kowalczuki
Kčna	Кэсна	Kieņa
Kuosinē I	Касіна Паніенская	Kosina Panienska
Nemežēle	Нямэжжа	Niemieška
Pakenē	Пакэна	Błahowieszczynna Okolica
Palubēļiai	Палубэчка	Polubeczki
Ropēnai	Рэпаіны	Rzepańce
Sadūniškės	Садунішкі	Saduniszki
Santakai	Сунтокі	Suntoki
Staūniškės	Стонішкі	Stowniszki
Špokinē	Сквирацёўка	Skworcowka
Ūtīļčiai	Зачэўка	Zaczepka
Žāliašilis	Зялёны Бор	Zielony Bor
Žvērynaš	Звярынец	Żwierzyniec

ON THE LINGUISTIC SITUATION IN SOME DIALECTS OF THE VILNIUS DISTRICT (SOUTH-EASTERN PART)

N. SAVICH

Summary

The article deals with the present linguistic situation in the Vilnius District, which is very complicated and not quite clear for the people who call themselves Poles, but in every-day communication use one of the Byelorussian dialects. Though being Catholics, as a matter of fact they speak Byelorussian. The author provides a great number of patterns of their language, called "prostaya mova", and investigates its linguistic geography in Kalveliai, Kena, Pakenė and other villages in the south-eastern part of the Vilnius District. The paper is an attempt to conduct sociolinguistic research of the Polish population.

ЛИТЕРАТУРА

Lietuvos TSR administracinio-teritorinio suskirstymo žinynas. II dalis.
V.: Mintis, 1976.

Вильнюсский государственный
университет

Январь 1989